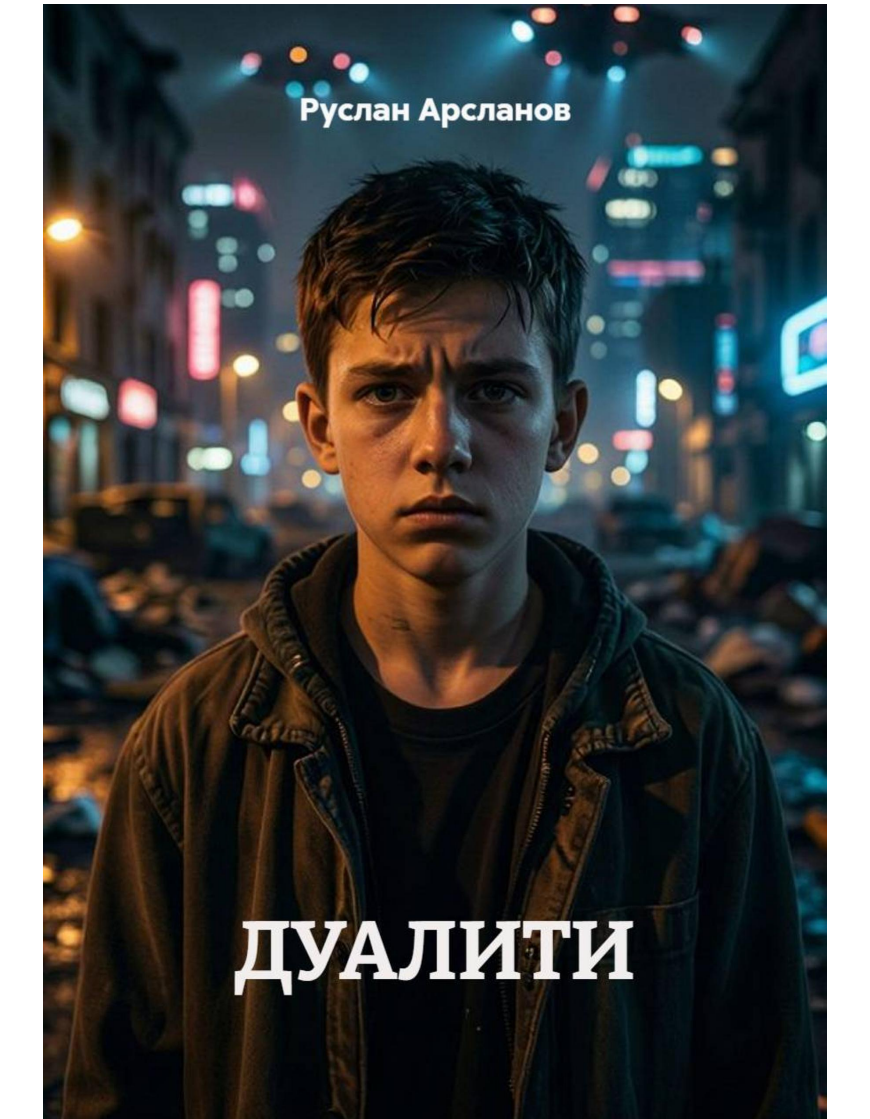

A movie poster featuring a young man with dark, slightly messy hair and a serious expression. He is wearing a dark jacket over a dark t-shirt. The background is a blurred night city street with various neon lights in blue, red, and yellow, creating a bokeh effect. The overall mood is gritty and cinematic.

Руслан Арсланов

ДУАЛИТИ

Руслан Арсланов

ДУАЛИТИ

<https://litres.ru/74492308>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тысячи лет прошли с тех пор, как корпорации уничтожили почти всю Солнечную систему в бесконечных междоусобных войнах. Смотря на обломки того, что осталось от их прежнего мира, главы корпораций заключили союз, где каждый зависит от каждого, где любой решивший начать войну — обречён на уничтожение. Так родился Консорциум.

Матей — сирота, который выжил в жестоком мире Консорциума благодаря уму и характеру, закалённому на улицах. Решал проблемы так, как решают их на дне города-улья, и вёл за собой банду беспризорников.

В один день вся его жизнь поменялась, когда его забрал глава могущественной корпорации-государства, нашедший его в трущобах. Он дал Матею власть, силу и статус, которые ему были не нужны и которых он никогда не хотел.

Станет ли он инструментом в руках всесильного диктатора, или ему удастся укротить судьбу и построить своё собственное будущее?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Руслан Арсланов

ДУАЛИТИ

Глава 1

«Дуалити»

Пролог.

Они называли это Золотым Веком Разума. Но разума не нашего - машинного. Сотни лет прогресса Земных корпораций в области разработки нейросетевых протоколов, увеличения вычислительных мощностей ИИ до небывалых значений, позволило Нам решить множество загадок мироздания. То, что казалось эфемерным, далеким и необъяснимым, стало реальным. Машинный разум разгадал для нас тайны квантовой пены, а научные теории о роли сознания в нашем мироздании стали фактом, подарив ключи от вселенной. Величайшим из ключей стал вакуумно-каверный двигатель – возможность рвать ткань пространства и шагать к другим звездам за мгновение.

Шаг был сделан. И, как всегда, Мы взяли с собой свое старейшее ремесло. Позитронные системы аннигиляции, способные стирать материю с лица реальности, стали логич-

ным завершением эпохи чудес. Новый мир – новая война. За новую систему – новое истребование.

Позитронный Апокалипсис был недолгим. Длился он ровно столько, чтобы навсегда стереть с карт Старую Землю, Марс, Венеру, Луну. Оставить после них лишь клубящиеся облака элементарных частиц и вечный, немой вопрос в радиоэфире.

Когда пыль от фундаментов Солнечной системы улеглась, уцелевшие на колониальных мирах посмотрели в бездну, которую сами и создали, впитав костями ужас содеянного, они нашли в ней единственно возможную формулу выживания. Не мир. Не доверие. Не прогресс.

Взаимный Гарантированный Кризис. Хрупкий, безумный, совершенный баланс тотальной зависимости. Где сила одного – в уязвимости другого. Где стабильность всех – в постоянной угрозе краха для каждого.

Так родился Консорциум. Наш дом. Наша тюрьма. Наша единственная надежда.

– Доктор Девиси Чандрашекхар, «Хроники Эпохи Пепла», фрагмент. Записано со слов выживших на станции «Утар-Прадеш-7». Ориентировочная дата описываемых событий: 1500 лет до эры Консорциума.

ОТЧЕТ О ЛИКВИДАЦИИ БАЗЫ «КИНЖАЛ»

Оперативник: Позывной «Дикий»

«ПОЛЕВОЙ АНАЛИЗ:»

«Систематические разрушения. Каждый экзокостюм, для горнодобывающих работ, вскрыт лобовым кинетическим проникновением. Пилоты вырваны из своих капсул. Оторванные конечности, вырванные через пробойны.

Сканирование дронов — ноль результатов. Ни энергоследов, ни биомаркеров. Прошло слишком много времени. Никаких предположений...

Каждый сотрудник базы ликвидирован или пропал. Похоже за внезапную зачистку. Конце полевого анализа »

ФОРМАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ:

«База уничтожена. 47 человек погибли. Многочисленные травматические ампутации. Применено неизвестное оружие. Обнаружены аномальные следы. Рекомендую карантин, повышенную готовность «Легио», дополнительный анализ «Монолитом». Уровень угрозы — экзистенциальный».

В кабинете Верховного Директора

В зеркальной галерее, воздух был тихим и прохладным, как дыхание самой планеты. Обширное пространство, отделанное полированным базальтом и тёмным, почти чёрным деревом цвета венге, звуковые демпферы поглощали звуки,

не давая эху гулять по галерее, оставляя лишь шелест собственных мыслей и потрескивание пламени в огромном камине. Огонь плясал за кварцевым стеклом, отбрасывая живые, трепещущие тени на идеально отполированный пол и низкие потолки, украшенные геометрической инкрустацией из матового металла.

По обе стороны от камина, от пола до потолка, зияли панорамные окна – не просто иллюминаторы, а целые провалы в стене, смотрящие в никуда. Сейчас в них бушевала погода спутника Кратт-Секундус. Небо, затянутое тяжёлым, свинцовым пологом туч, простиралось до самого горизонта, сливаясь с зубчатыми вершинами хвойных лесов внизу. Дождь – не стихийный ливень, а контролируемое, но от этого не менее мрачное явление – стекал по оконному бронестеклу жидкими, извилистыми ручьями, искажая вид на величественную и угрюмую, синеватую зелень гигантских хвойных массивов простирающихся на сотни километров. Иногда в глубине туч вспыхивала тусклая молния, на миг освещая причудливые очертания летающих дронов-лесников, снующих между исполинских стволов, похожих на стальные иглы.

Напротив камина, погруженные в глубокие кресла, сидели двое мужчин. Кресла, как и всё здесь, были образцом лаконичной роскоши Кратта: каркас из чёрного дерева, обтянутый плотной, матовой кожей цвета воронёной стали. Они не стремились обнять или убаюкать – они предлагали опору для прямой спины и ясного ума.

В правом кресле, слегка откинувшись, но не теряя воинственной собранности, сидел Николай Аскеров. Его фигура, даже в расслаблении, казалась высеченной из гранита – широкие плечи, прямой торс, могучие руки с чёткими сухожилиями, лежащие на подлокотниках. Лицо, освещённое снизу огнём и сверху холодным светом из окна, было картой жёстких решений: высокий, прямой лоб, глубоко посаженные глаза серого цвета, в которых мерцали отражения пламени, словно в них горел тот же холодный, аналитический огонь. Тонкие, плотно сжатые губы, прямой нос, резко очерченный подбородок. На нём был простой тёмный костюм из плотной ткани, без знаков отличия, но сшитый с такой безупречной точностью, что сам по себе являлся униформой власти. Он смотрел не в огонь, а сквозь него, взгляд устремлённый в какую-то внутреннюю, невидимую другим точку расчёта.

В кресле слева от него, в похожей, но чуть менее напряжённой позе, находился Лука, Великий Канцлер. Он был ровесником Николая, хоть и выглядел старше. Время наложило на его облик отпечаток не усталости, а отточенной десятилетиями лет пребывания на второй по значимости должности в корпорации-государстве, кристаллизованной мудрости. Его седые, коротко стриженные волосы отливали серебром в свете камина, а лицо с высокими скулами и орлиным носом хранило спокойствие недоступное большинству обывателей. Глаза, тёмные и проницательные, наблюдали за Николаем, а

не за бурей за окном. В его осанке чувствовалась не военная выправка, а интеллектуальная дисциплина – спина прямая, с идеальной аристократичной выправкой была символом его дисциплины. Его одежда, тоже тёмная и лишённая украшений, казалась мягче, старше, словно впитавшей в себя запах пергамента и тихого напряжения ночных совещаний.

Между ними, на низком столе из того же тёмного венге, стояли два широких бокала из тяжёлого хрусталя. В них плескался «Глоток Кроноса» – выдержанный крепкий напиток янтарного цвета, дистиллированный из корней редких хвойных деревьев Кратт-Секундус и настоящий на минералах местных скал. Его аромат был сложным – дым, хвоя, холодный камень и едва уловимая сладость выжженного солнцем дерева. Николай взял свой бокал, пальцы уверенно обхватили массивную ножку, и он сделал небольшой глоток, не отрывая взгляда от невидимой цели. Лука последовал его примеру, поднеся бокал к губам, но его жест был более созерцательным, словно он сначала пробовал аромат, а затем – вкус и вес слов, которые предстояло сказать.

Тишину нарушало лишь тройное бормотание: глухой, размеренный гул систем жизнеобеспечения дворца, настойчивое постукивание дождя по бронестеклу и тихое потрескивание пламени в камине, пытавшегося, но не способного прогнать холодную, металлическую ауру власти, наполнявшую комнату.

Николай Аскеров наблюдал за голограммой планеты

«Ксилос-7», где три города-улья пылали алым светом. Его лицо оставалось невозмутимым, но в глазах читалась холодная решимость.

— Тридцать процентов населения, — произнес он ровным голосом ставя бокал на поручень кресла. — Достаточная масса, чтобы преподать урок. Когда уличные толпы увидят цену мятежа, остальные семьдесят процентов задумаются. Танковы подождут — сначала нужно показать последствия нарушения порядка.

Лука, изучая данные через нейроимплант, покачал головой:

— Но статистика показывает, что 94% протестов — реакция на действия семьи Танковых. Они уволили ключевых администраторов, заморозили социальные программы...

— Причина не оправдывает следствие, — холодно парировал Николай. — Если каждый начнет решать проблемы через погромы, митинги, забастовки - система рухнет. Сначала — демонстрация последствий, затем — наказание виновных.

В этот момент тяжелая, огромная дверь бесшумно отъехала. В проеме возникла Кира. Её высокая, мускулистая фигура в безупречной форме была воплощением дисциплины. Светло-русые волосы собраны в тугий пучок, взгляд прямой и ясный.

— Верховный, — её голос был ровным и четким. — На «Инфернус-Прайм» идентифицированы два кандидата. Но-

мер пять и двадцать три. Полные досье в «Анимусе».

Николай кивнул, его внимание мгновенно переключилось:

— Лука?

— Оба соответствуют параметрам, — тот продолжил изучать данные. — Но номер пять демонстрирует статистически редкие показатели: 98% совпадения по всем параметрам.

— Приоритет за номером пять, — заключил Николай. — Кира, готовьте вылет.

Он снова посмотрел на горящие города:

— Операция на «Ксилос-7» откладывается. Сначала оценим кандидата, затем — демонстрация силы населению и замена Танковых. — Его пальцы провели по проекции. — Пусть мятежники наслаждаются иллюзией победы. Скоро они увидят, как быстро тает их решимость перед лицом порядка.

— Корабль будет готов через шесть часов, — доложила Кира.

— Начинаем с будущего, — сказал Николай. — Прошлое может подождать. Но недолго.

Глава 1.

Мерцающий свет аварийных фонарей выхватывал из полумрака ржавые стены, покрытые подтеками конденсата и масла. Воздух в тесном коридоре сектора F-7 гудел от низкого гулко-го грохота работающих где-то глубоко под полом насосов. Борис Гнида, высокий и широкоплечий, с правиль-

ными чертами лица и короткими темными волосами, пятился по узкому проходу, задевая спиной за свисающие кабели.

Из вентиляционных решеток над головой с лязгом посыпались ржавые хлопья. Первая фигура появилась из темного бокового ответвления — тощий подросток с арматурой в руках. Затем еще один, с самодельным электрошокером, искрящимся синими разрядами. И еще. Они выходили молча, только скрежет шагов по металлическому полу нарушал гулкую тишину.

«Призраки Вентилей» окружали банду Бориса плотным кольцом. Матей вышел вперед, его лицо было холодным и неподвижным.

— Ты продал нам эти два квартала за восемь тысячи кредитов, Гнида! — голос Матея резал тишину, как маленький острый нож. — Твои люди три дня следят за нашими схронами. Вчера пытались вскрыть хранилище в старом рекламном отсеке.

Борис попытался улыбнуться, но получилось лишь подергивание губ:

— Это недоразумение, Матей... Мы просто...

— Я еще могу понять, то, что ты пытаешься украсть мое имущество, вопреки договоренности. Но то, что твои тупорылые морды, которых ты называешь своими «парнями», привлекают внимание Арбитров... Каждый незапланированный вызов арбитров стоит мне тысячу кредитов, — перебил его Матей. — Я плачу, чтобы они смотрели в другую сторо-

ну, ради спокойного ведения бизнеса. Ты... ты решил что, я - лох?

В глазах Бориса, на долю секунды, отразилось холодное пламя инстинкта. Не договариваться. Не умолять. Бежать. Его взгляд метнулся к единственному разрыву в кольце «Призраков» — узкому техкоридору справа, откуда доносился нарастающий гул вентиляционных турбин. Проход был тесен, в нём мог пройти лишь один человек. И он был за спиной у самого молодого и щуплого из «Призраков», нервно сжимавшего арматуру.

У Бориса не было выбора. Было только окно, которое закроется через мгновение.

— БЕЖИМ! — его крик, хриплый от адреналина, разорвал напряжённую тишину.

Борис не побежал сам. Он толкнул в спину ближайшего своего парня, здоровенного жлоба, по кличке Бык, прямо на того щуплого «Призрака». Столкновение было грубым и неожиданным. Бык, оглушённый толчком, рухнул на подростка, сбив его с ног и на миг завалив собой проход. Это был акт животного предательства, загнанного в угол зверя — использование тела своего же человека, как тарана и щита.

В коридоре вспыхнул хаос. Крики, лязг металла, искры от электрошокера, впустую бьющего в стену. Борис, пригнувшись, рванул за падающим Быком, буквально перепрыгнув через завалившиеся тела. Его пятка со звонким стуком пришла по лицу его же подчинённого, но Борис уже не слышал

ни крика, ни хруста. В ушах стоял только белый шум паники и адреналина.

Он влетел в технический коридор. Воздух здесь был горячим, густым от вони перегретой смазки и гудел, оглушая, как внутри трансформатора. Красные аварийные лампы мигали в ритме, от которого сходили с ума. Борис бежал, спотыкаясь о сваленные катушки кабеля, его широкие плечи задевали стены, сдирая ржавчину и оставляя на тёмной ткани пиджака светлые полосы.

Сзади раздался ещё один душераздирающий крик — кто-то из его людей не успел. Потом короткий, влажный звук и глухой стук тела о металл. Борис не обернулся. Его мозг, суженный до точки, обрабатывал только данные для выживания: впереди Т-образный разветвитель. Левый путь ведёт в тупик с заваренным люком. Правый — к шахте лифтового блока, который давно не работал, но в котором была аварийная лестница.

Первый удар пришелся неожиданно — арматура со свистом рассекла воздух и обрушилась на Бориса. Тот с грохотом рухнул, крича от боли.

— Ничтожество, лежи и не вставай! — крикнул один из «Призраков», он нацелил шокер на Бориса. В это время основная группа «призраков» привела его сообщников. Все они были побиты и едва держались на ногах. Борис отступал, спотыкаясь:

— Подожди! Я верну деньги! Я...

Удар самодельной алюминиевой битой по колену заставил его замолчать. Он рухнул, хватая ртом воздух. Матей стоял над ним, его глаза были пусты.

— Ты не просто украл у меня деньги, Гнида. Ты украл чье-то будущее. Искренне надеюсь, что ты понимаешь это.

Избиение продолжалось недолго, но методично. Когда «Призраки» закончили, на полу остались лежать двадцать искалеченных тел. Матей в последний раз взглянул на Бориса, чье лицо превратилось в кровавое месиво.

— Забирайте их оружие. Дубины, ножи, кредиты, инфо и галобраслеты, снимайте всё, что представляет ценность, — голос Матея был холоден и практичен. Он наблюдал, как его «Призраки» быстро и эффективно обшаривали карманы поверженных противников.

— Макс, — Матей повернулся к рыжему подростку, — узнай, кто из арбитров покрывал эту вылазку Гниды. Предложи ему половину от того, что он получал от Бориса. Если откажется... напomini ему о тех двух патрульных, что исчезли в прошлом месяце в секторе.

Затем он жестом подозвал Златана. Мощная фигура заслонила мерцающий свет фонарей. Златан был на полторы головы выше Матея, с широкими плечами и квадратным лицом, которое было присуще, скорее колхознику, с аграрных миров Деметры. На руках Златан носил толстенные стальные перстни, сделанные под его огромные пальцы, которые росли из еще более внушительных ладоней.

— Территория на тебе, Злат, к вечеру вернусь — тихо сказал Матей. Златан лишь кивнул, сжав в руке тяжелую, самодельную дубину.

Матей, убрав руки в карманы, двинулся вглубь лабиринта переходов. Его путь лежал через самые заброшенные части сектора, города-улья. Он шел по бесконечным металлическим галереям, мимо заваренных аварийных люков и опечатанных помещений. Где-то вдали слышался скрежет механизмов, а с потолка капала маслянистая жидкость.

Он миновал местный рынок — место, где торговали краденными деталями и контрабандным программным обеспечением, информацией, планшетами, аугметикой, экзотическими животными с разных планет. На каждом перекрестке располагались так называемые «наливайки». Там, чернорабочие фабрик и заводов улья, выпивали после тяжелого рабочего дня и снимали себе на ночь местных разгульных девок. Матей проходил перекрестки длинными спокойными шагами, осматривая вывески витрин, которые были просто выставкой вкусовщины и безвкусицы, от неоновых вывесок, до разукрашенных мелками досок, иногда гостей зазывала голограмма, которая убеждала проходящих, что лучше, чем в их «наливайке» их никто не напоит. Местные продавцы контрабанды улыбались, провожая Матея взглядами. Все они знали лидера «Призраков», он и его банда были постоянными, невероятно стабильными клиентами и поставщиками информации, программного обеспечения и разного ро-

да запрещенки, в виде чипов нейростимуляции, которые были невероятно популярны у мазахистов, так как причиняли невероятную боль, не причиняя ущерба телу.

Повернув за угол, Матей оказался перед ничем не примечательной дверью в конце тупикового коридора. Дверь была из грубого металла, покрытого слоем ржавчины и граффити. Над ней тускло горела неоновая вывеска с одной перегоревшей буквой «Д».

Сделав глубокий вдох, Матей толкнул дверь. Она поддалась с тихим скрипом, открывая путь в другое пространство — мир, который кардинально отличался от всего, что он знал до этого.

Дверь отворилась, впуская Матея в совершенно иной мир. Воздух, в этом месте, провонял потом, кожей и антисептиком — резкий контраст после маслянистой мглы тоннелей вентиляционных шахт. Пространство зала было просторным, с высоким потолком, где тускло горели несколько светильников. Весь пол покрывали потертые маты, в некоторых местах протертые до дыр. Вдоль стен стояли тяжелые боксерские мешки, а в углу лежала куча спортивного инвентаря.

В центре зала стоял Гио — мужчина лет пятидесяти, статный, сохранивший военную выправку. Его седые волосы были коротко стрижены, смуглое лицо украшала могучая борода, а в уголках глаз залегли лучики мелких морщинок. На нем была простая серая футболка и штаны из прочной тка-

ни, но каждый его мускул говорил о силе и дисциплине. Когда он повернулся к Матею, его взгляд был подобен сканеру — быстрым, оценивающим, ничего не упускающим.

— Опоздал на четыре минуты, — произнес Гио. Его голос был низким, хриловатым, но каждое слово звучало четко. — Пятьдесят челноков. Бегом.

Матей молча кивнул и начал бег от одного края зала до другого, и бегал быстро, так как мог получить еще двадцать за лень. Пока он бегал, Гио наблюдал за его движениями, за работой ног, за дыханием. После кругов Матей, тяжело дыша, остановился перед тренером.

— Пошли на лапы — командовал Гио.

Матей, забинтовал руки, перчатки надевать не стал, он знал, что Гио не нравятся, его тренировки для уличных драк, по этой причине, Матей, перчатки при работе по лапам, никогда не надевал. Гио никогда не запрещал Матею так делать понимая, что без таких навыков, мире в котором он живет, по другому не выжить. Матей принял боксерскую стойку. Гио подошел ближе и начал поправлять его положение: поднял плечи и скорректировал положение рук.

— Так, начинай аккуратно, не перегружай сразу связки — сказал Гио, поднимая лапу, чтобы принять удар.

Они начали с работу на лапах. Гио надел толстые, самодельные лапы, сшитые из толстой кожи и начал отдавать команды:

— Как обычно — джебы с каждой стойки.

Матей наносил удары, стараясь соблюдать технику. Гио то и дело поправлял его:

— Не замахивайся! Прямая траектория! Ноги работают! Джеб должен быть тяжелым, таким, чтобы соперник сразу ощутил, через что ему придется пройти, чтобы достать тебя. Руки у тебя длиннющие, джеб – твое копье, используй его, чтобы контролировать дистанцию.

— Меняй стойки, бей жестче, так чтобы рука болела.

После работы на лапах Гио вызвал одного из старших учеников — крепкого парня лет пятнадцати.

— Спарринг. Три раунда по две минуты. Работай головой, Матей. Не лезь напролом.

Матей надел перчатки и шлем. Первый раунд прошел в разведке. Спарринг-партнер Матея был старше, сильнее и тяжелее, но Матей успешно использовал свою скорость и подвижность. Он работал передней рукой, меняя стойки, уходил от атак, старался контролировать дистанцию. Когда спарринг-партнер пытался сблизиться, Матей ставил кулак ему в лицо, менял стойку на противоположную стойке соперника, делал зашагивание своей передней ногой, за переднюю ногу соперника, и пробивал прямой в голову или хук в корпус.

Во втором раунде противник начал давить. Силовой удар прошел по блоку, отозвавшись глухой болью в предплечье. Матей ответил серией ударов в корпус, но пропустил встречный хук. Звон в ушах, вспышка перед глазами.

— Думай! — крикнул Гио со стороны. — Он сильнее тебя, не суйся! Не принимай его игру!

В третьем раунде спарринга Матей изменил тактику. Он начал постоянно двигаться, меняя ритм и направление атак. Использовал обманные движения, заставляя противника промахиваться. За минуту до конца раунда он провел чистую комбинацию: хук в корпус и кросс в голову. Удар был точен, и противник на мгновение потерял концентрацию. За тем он сменил стойку, сделал резкий рывок вперед, шагнул своей передней ногой за переднюю ногу соперника, и пробил мощный левый кросс прямо между рук бедолаги, заставив его упасть на задницу.

— Стоп! — скомандовал Гио. — Хватит.

Матей тяжело дышал, пот стекал по его лицу. Гио подошел к нему.

— Отлично, отлично! Bravo! Но, ты сильно открылся, когда после смены стоек делал это зашагивание, делая замах для удара от пояса, Матей. Будь на его месте кто-то более опытный, с более острыми рефлексами и чувством момента, ты был бы нокаутирован. Нужно быть сконцентрированным от начала и до конца боя. А до этого тебе еще годы тренировок.

— Очень жаль, — выдохнул Матей.

— Ладно, мешок, пока свободен. Завтра будем работать над ошибками в ударке. Перекусите, отдохните и на маты.

Матей направился к скамейке, чувствуя приятную уста-

лость в мышцах. Разматывая бинты он задумался, что в этом месте, он на короткое время мог почувствовать, что находится в там, где его не подстерегает опасность, где все подчинено определенным правилам и порядку. И в этом был свой особый смысл. Матей задумался и понял, что нигде и никогда, он не испытывал такого спокойствия, как во время тренировок и спаррингов.

В перерыве парни перекусили тем, что принесли с собой, тех, кому приносить было нечего, Гио кормил солдатским сухим пайком, запас которых был неисчислимым, а все эти «богатства» были отложены за тридцать пять лет службы.

Гио молча осмотрел своих подопечных. Без лишних слов он приступил к делу. Разминка началась с ушей. Он велел им хорошенько размять ушные раковины, растирая мочки и хрящи до ощущения жжения, объясняя, что мягкие, «разогретые» уши меньше ломаются и рвутся. Затем он перешел к пальцам, заставляя с хрустом выгибать и прокручивать каждый сустав, повторяя, что сила хвата кроется в гибкости.

Когда тела были подготовлены, Гио вызвал вперед Виталий и дал ему инструкцию, что надо делать при определенных командах. Виталий понимающе кивнул.

— Первая ситуация. Защиту от проходов тут умеют делать все, все умеют откидывать ноги назад в позицию спролл. Представили, что находимся в позиции на сопернике, его голова в районе нашего живота, его шея в районе груди. — Гио дал Виталию сигнал, и тот сделал низкий проход в ноги, но

Гио защитился, и показал позицию из которой будет проходить прием. — Отрабатываем захват головы Соперник рвется назад, — его голос был ровным и четким. — Не мешай ему.

Он дал сигнал Виталию продолжать движение, атаку или попытку выйти. В момент, когда парень изо всех сил потянул голову назад, Гио не стал сопротивляться. Вместо этого он мгновенно ослабил хват и резко шагнул вперед, в сторону движения Виталия. Пока тот, не встретив ожидаемого сопротивления, инерционно отклонялся назад пытался поймать баланс, Гио быстро присел, обхватил обеими руками его бедра чуть выше колен и, мощно выпрямляя ноги, толкнул его вперед, полностью лишая опоры и впечатывая в мат.

— Не тратьте силы на его удержание. Чуть отпустите его, дайте ему иллюзию того, что стоит ему сильнее дернуться назад и он сможет выбраться и контратаковать, — пояснил Гио. — В момент его сильнейшего рывка, ты сильнее ослабляешь хват, в этот момент, вероятнее всего, он потеряет баланс, после чего остается только включить ноги и сделать мощный проход в две ноги. Быстро и низко.

— Вторая ситуация. Та же история с проходом — Он опять кивнул Виталию и тот снова сделал проход, и Гио снова отзащищался, плотнее обхватил шею — здесь мы можем провести несколько вариантов удушки, первая – анаконда. Чтобы вам провести этот прием, нужно сначала подавить сопротивление соперника, лишить его опоры — Гио просунул

свою левую руку глубже под горло Виталия так, что кисть Гио показалась в области левой подмышки парня, а за тем, с помощью правой руки, закрыл замок, после чего Гио продолжил объяснение: — за тем, после того как вы сделали замок с захватом через руку, вам нужно сделать «лампочку», которую мы с вами отработывали ранее, но важно, не просто заставить его коснуться лопатками ковра, но и законтролировать его на земле, не дать ему нащупать опору. — Гио резко перевернулся вместе с Виталием, так что оба оказались лицом вверх. — За тем, усиливаете давление на шею через рычаг — Мышцы Гио едва напряглись и Виталий сразу постучал.

После того, как Гио показал прием, он расставил парней в пары и заставил отработывать. Матей тяжело было защититься спроллом, так как его партнер был, по обычаю, старше и сильнее его. Однако, как только Матей подстроился и привык к силе и балансу, все наработки Гио стали получаться. Длинные и худые конечности Матея идеально подходили для выполнения приемов.

Через час отработки, когда все были максимально вымотаны. Гио всех прервал и снова позвал Виталия для отработки.

— Еще одна интересная ситуация. Если у вас получилось взять голову соперника, во время драки или спарринга в клинч, то у вас будет возможность перевести бой на землю.

Гио, обхватив шею Виталия двумя руками, резко потянул

его голову вниз и на себя, заставляя того согнуться и перенести вес на носки. Не останавливаясь, он сделал длинный шаг левой ногой по дуге вперед и в сторону, заставляя свою стопу встать прямо за стопами парня. В тот же миг, перенося вес тела на выставленную ногу, он мощно потянул голову и корпус Виталия через свое бедро. Тот, наткнувшись на неподвижную опору, перевернулся в воздухе и грохнулся на спину. Старайтесь так же найти момент, когда соперник максимально неустойчив, например в момент, когда он делает боковое смещение. Гио хлопнул в ладони и на секунду молча осмотрел всех парней.

— 40 минут отработка, потом на канаты, вам всем уже пора забираться до потолка не используя ног, но многие из вас, до сих пор этого не могут — резюмировал Гио, окидывая взглядом группу детей и подростков. — Я надеюсь, что сегодня вы постараетесь исправить эту досадную ситуацию.

Тяжелый, насыщенный потом и усилиями воздух медленно остывал. Последние ученики покинули зал, и теперь лишь глухой гул вентиляции нарушал тишину. Матей молча взял швабру и начал методично водить ею по покрытым слоями пота, борцовским матам. В это время, в зал с ведром и шваброй вошел Гио. Он взглянул на Матея, удивленно подняв бровь.

— Два года хожу к тебе, — голос Матея прозвучал глуховато в пустом зале, — а так ни разу и не спросил... Откуда этот зал? Парни рассказывали, что ты был крутым борцом в

свое время, кто тебя тренировал?

Гио, не глядя на него, поставил ведро на место.

— Верно, не рассказывал. Но и ты не оставался раньше помочь мне прибраться.

— Признаю, — просто сказал Матей.

Они продолжили уборку в тишине. Тени в углах зала сгустились, наползая на стены, увешанные потрепанными плакатами.

— Тренировался у Илии Дзадзари, — внезапно начал Гио. — Двукратного олимпийского чемпиона Консорциума по дзюдо. А его отец, Реваз Дзадзария — Гио на мгновение замолчал, — он был чемпионом Единого Бойцовского Турнира Консорциума в полусреднем и среднем весах. Пока не встретил величайшего Магомеда «Джанко» Дайнукова. Тот забрал пояс и защищал его десять лет подряд. Илия мой отец, а Реваз мой дед, соответственно.

Он уперся руками в швабру.

— Отец пророчил мне судьбу спортсмена, тренировал меня с самых малых лет, я выигрывал десятки турниров среди детей, юношей, и когда мне исполнилось шестнадцать лет, он заявил меня на взрослый турнир, где я сходу выиграл всех в своей весовой, отдав всего два балла. Но тут грянул Четвертый, мать его, Передел... в 18 лет, я отправился в военное училище. Дед сказал, что военное училище даст мне отсрочку от возможной мобилизации, и на войне я, по крайней мере буду на «теплом» месте. Связей отца и деда, а так же

баллов, которые получил на экзаменах хватило только, чтобы поступить на факультет межзвездных перелетов. Не самое безопасное местечко, в контексте конфликта, где фракции делили каждый камень в космосе. В училище продолжал бороться — выигрывал сначала турниры среди военных вузов и академий, а потом и армейские турниры призами были медали, солдатские сухпайки и увольнения. Месячный запас сухпайка за первую победу и три дня увольнительной. За полтора десятилетия активного участия в подобном, скопилось не мало пайков, — Гио хрипло усмехнулся. — До сих пор не могу на них смотреть, а кормлю вас, голодных щенков, уже который год — взгляд тренера устремился куда-то вдаль.

Они закончили уборку и обработали все маты, канвас ринга и инвентарь антисептиком. Его сильный запах, забивал ноздри. Матей с Гио вышли из зала наружу, чтобы не сойти сума от синтетической вони антисептика. Снаружи шел дождь. Нижние уровни улья были оснащены генераторами погодных условий, которые создавали определенный климат на уровнях имитируя то палящее солнце, то легкий летний бриз, а иногда и снег с дождем.

Стоя на улице, под большим навесом, который располагался прямо над входом в зал.

— Гио, а как ты вообще пришел к тому, чтобы тренировать? Вот здесь, в этом зале...

Гио молча смотрел на дождь, его лицо в тусклом свете

неона казалось высеченным из камня.

— На флоте я тренировал солдат и офицеров, — начал он ровным, глуховатым голосом. — Рукопашный бот, физическая подготовка. Это была часть службы. Тысячи офицеров прошли через мои курсы по рукопашному бою и самообороне. А потом... потом родился сын.

Он замолчал, будто собираясь с мыслями. — Сын? — спросил Матей — не знал. Как звали сына?

— Назвали Леваном — ответил Гио — Мать Левана... — Гио взял секундную паузу — умерла, когда ему было два года. Редкое заболевание легких, не поддавалось лечению стандартными способами. Эта дрянь высушила и уничтожила ее тело меньше, чем за месяц. — Как? — спросил удивленно Матей — разве не было вакцины от этого? Нет — ответил Гио — Вернее, вакцина была на центральных мирах, но она ее не дождалась... Так Леван и остался со мной. Рос на корабле, потом на орбитальной базе... Я его тренировать-то начал, как только тот ходить научился.

В голосе Гио впервые появились теплые нотки, тут же погасшие.

— Ты не представляешь каким талантом он был. Настоящим гением борьбы. В десять лет уже такие приемы исполнял, которые иные мастера за жизнь не осваивают. В шестнадцать его без экзаменов взяли в военную академию, чтобы он представлял ее на объединенных студенческих играх Консорциума. В двадцать он уже был звездой, готовился к

отбору на Олимпиаду Консорциума...

Гио сжал кулаки, его костяшки побелели.

— А потом он подхватил ту же легочную инфекцию, что и мать. Сгорел за пару месяцев. В двадцать пять лет. — Он резко выдохнул. — Сразу после этого я подал в отставку. Скопил за службу приличные выплаты, получил не плохую пенсию и открыл этот зал. Уже десять лет тренирую здесь уличных пацанов. Может, хоть кого-то получится направить на путь истинный. Вы все мне как родные, хоть я порой и бываю таким жестким с вами, что самому противно.

Матей молча слушал, глядя на залитые дождем улицы. В его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

— После того, как мама умерла, а тетка выставила меня на улицу... — он говорил тихо, почти без интонаций. — Жизнь одинокого восьмилетки, на нижних уровнях улья, может закончиться очень быстро, ты и сам это знаешь. Лучше кривой путь Гио, чем вообще отсутствие пути.

Гио повернулся к нему, и в его взгляде читалась неподдельная тревога.

— Слушай, парень. Тебе нужно покинуть эту планету. В армии или на флоте с твоей смекалкой ты мог бы...

— Я не представляю себя солдатом, — перебил Матей. — Быть чьим-то инструментом, выполнять глупые приказы глупых людей... не мое.

Он кивнул на прощание и шагнул из-под навеса в колючие струи. Вода тут же начала заливаться за воротник. Пройдя

несколько метров, он взглянул на инфобраслет. Два пропущенных сообщения от Златана.

Первое: *«Матей, я в четвертом схроне. Тут какая-то херня творится, все датчики перестали работать. Иду посмотреть что там».*

Второе: *«Тут точно кто-то есть. Матей, он не один. Я постараюсь уйти сам, не ходи за мной в од...».*

— Черт! Черт! — вырвалось у Матея, и он сломя голову бросился вдоль темной улицы, на ходу активируя связь в попытке связаться со Златаном.

Пока он бежал, в голове пронеслась горькая мысль: «Черт, как же все это не вовремя».

Глава 2

Тяжелая бронированная дверь в кормовой части флагама на «Инвиктус» бесшумно отъехала в сторону, впуская Луку в личные апартаменты Верховного Директора. Воздух здесь был иным — прохладным, с едва уловимым запахом легированной стали, старой кожи, легких ноток гвоздики и чего-то еще, неуловимого, словно запах пустоты между звезд.

Пространство, открывшееся взгляду, не поддавалось мгновенному осмыслению — словно рукотворный монумент знания и власти. Потолок терялся где-то в двадцатиметровой высоте, погруженный в полумрак, из которого мягко сияли встроенные в конструкционные балки светодиоды, имитирующие далекие созвездия. Стены от пола и до невидимой черты были сплошными стеллажами — монолитными конструкциями из черненной стали и бронестекла. За этими стеклами покоилось наследие человечества: от потертых кожаных корешков древних фолиантов до мерцающих крипто-носителей, хранящих тактические модели великих сражений. Одни полки были заставлены реальными, бумажными книгами — тяжелыми томами по истории, философии, военной стратегии. Другие — рядами аккуратных информационных ячеек, чьи крошечные индикаторы мигали, как огни спящего города.

— Входи, друг мой — произнес Николай.

В центре зала, на невысоком подиуме, стоял исполинский рабочий стол, выточенный из цельного куба темного, почти черного дерева с планеты-заповедника входящего в состав корпорации-государства Деметры. Его поверхность была чиста, если не считать три предмета: тяжелый письменный прибор из полированной вороненой стали, чаша с застывшим, как лава, черным ладаном и проецируемая над столом полупрозрачная голограмма текущего оперативного статуса флота. Свет от нее отбрасывал подвижные тени на лицо человека, сидевшего за столом.

Николай Аскеров работал с информацией так, как дирижер — с незримым оркестром. С безучастным видом, он управлял информационными системами, его пальцы парили над поверхностью стола, и голограмма послушно реагировала: схемы перестраивались, текстовые блоки разворачивались и схлопывались, флотилии кораблей грузовых барж на карте сектора меняли дислокацию. Он жестикулировал, и система считывала малейшее движение, предугадывая намерения. Его лицо, освещенное снизу мерцающим светом данных, было неподвижным и сосредоточенным. Взгляд, лишенный всякой рассеянности, скользил по потокам цифр и схем, выхватывая суть, минуя шелуху. Он погружался в симбиоз с «Монолитом» через встроенный в мозг нейро-имплант, будучи живым процессором в этом гигантском вычислительном контуре. Казалось, сам воздух в каюте гудел от

напряжения этой безмолвной, титанической мыслительной работы.

Лука, не нарушая тишины, прошел дальше, его шаги беззвучно гасило упругое покрытие пола, а взгляд упал на единственный личный, нефункциональный элемент в этом царстве чистого разума — на массивную шахматную доску, стоящую на отдельном столике у стены. Фигуры из обсидиана и нефрита застыли в миттельшпиле сложнейшей позиции. Партия, Лука знал это, была не просто игрой. Николай оттачивал мастерство многоходовок и заставлял мозг анализировать десятки или даже сотни возможных исходов.

Он остановился в нескольких шагах от стола, дожидаясь, пока Верховный Директор выйдет из состояния потока. И в этот момент его внимание привлекло нечто новое. В дальнем конце каюты, там, где обычно была лишь пустота и стена с картой секторов, теперь стоял высокий, узкий проекционный модуль.

Лука приблизился к столу, его взгляд скользнул с голографической аномалии на неподвижное лицо Верховного Директора. Тишина каюты только казалось пустой, она была насыщена фоновыми звуками систем жизнеобеспечения и галопроекторов, словно гудел незримый трансформатор.

— «Монолит» фиксирует рост напряженности в квадранте Омега-4, — голос Луки прозвучал ровно, выстраиваясь в рабочий ритм каюты. — Семья Орловых оспаривает квоты на поставки Иридия. Их арбитражная жалоба содержит...

кхм-кхм...творческие трактовки договора о разделе ресурсов с освоенных нами астероидных поясов.

Николай провел рукой над проекцией, и карта сектора сменилась каскадом юридических текстов и финансовых потоков. Его глаза, холодные и светлые, бегло просканировали данные.

— Орловы всегда были мастерами находить бреши в контрактах. Это не угроза, это... рыночная корректировка. Пусть отдел внешней торговли подготовит встречную жалобу. И добавь в протокол пункт о пересмотре тарифов на транзит их грузов перевозки через наши системы, посмотрим, как это понравится логистам Ковчега, и как быстро они заставят Орловых утихнуть. — сухо констатировал Николай — Настоящая головная боль не здесь.

Он сменил проекцию. На смену юридическим текстам пришла диаграмма, показывающая сложную паутину связей между домами Танковых, Ли и представителями Аграрного Конгломерата.

— Деметра, — произнес Николай, и в его голосе впервые прозвучал оттенок чего-то, что могло бы быть усталостью. — Их продовольственный шантаж становится хроническим. Они понимают, что контроль над желудком — это контроль над лояльностью. И играют на этом, исподволь подрывая наши позиции в Совете.

Лука кивнул, его нейроимплант уже анализировал представленные данные, выстраивая вероятностные модели.

— Это классическая осада. Медленная, изматывающая. Для нее нужна тонкая игра — дипломатия, компромиссы, создание временных альянсов. — Лука сделал паузу, его взгляд стал целенаправленным. — Владимир прекрасно справится с этой задачей в совете. Его последний доклад по урегулированию конфликта с ТДКС, «об утечке умов» был тактическим шедевром. Он видит те политические токи, которые не фиксируют алгоритмы «Монолита». В Совете Консорциума ему нет равных. Он рожден для этой игры.

Молчание затянулось, став густым и плотным, как межзвездная среда в прыжке. Голограмма мерцала, отбрасывая на неподвижное лицо Николая блики виртуальных войн, экономических договоров и предательских альянсов. Он не просто смотрел на карту — он примерял к ее изломам и пропастям душу своего сына.

Владимир. Его наследник. Ум его был отточенным клинком, способным рассечь любую дипломатическую уловку. Он видел течения и подводные камни в мутных водах Совета Консорциума, в этом ему не было равных. Николай мысленно ставил его фигуру на эту доску — и видел, как вокруг нее выстраиваются изящные, сложные комбинации. Союзы, о которых он сам не подумал. Мирные решения, элегантные, как математическая формула.

Но затем его внутренний взор смещался. С границ голограммы начинали наползать тени. Ситуации, где формулы перестают работать. Где единственный оставшийся ход —

это не ход, а жертва. Сжечь свой флот, чтобы перекрыть врагу путь. Пожертвовать верным миром, чтобы спасти ядро империи. Отдать приказ, который навсегда останется черным пятном на совести, но спасет миллиарды, а возможно и триллионы.

И в этот момент фигура Владимира на этой ментальной карте застыла в нерешительности. Его блестящий ум, ищущий лазейку, третий путь, компромисс, вдруг оказывался слеп. Он видел не безвыходную необходимость, а лишь чудовищную несправедливость, против которой его душа восставала.

Он будет искать выход там, где его нет, — пронеслось в сознании Николая с ясностью, равной боли. Он попытается спасти всех... и в итоге потеряет всё.

Это не было осуждением. Это была констатация иного склада ума, характера, души. Владимир был рожден, чтобы править в зале заседаний, где победа измеряется в подписанных договорах и партнерской политике. Но трон Верховного Директора стоял на грани, где в крошечной тьме между мирами поджидали угрозы, не знающие ни договоров, ни компромиссов. Угрозы, которые понимали только язык абсолютной, безжалостной силы.

Николай медленно выдохнул, и его пальцы разомкнулись. Он отводил взгляд от голограммы, но не для того, чтобы найти ответ, а чтобы признать его отсутствие.

— У тебя есть сомнения, — как обычно, спокойно, кон-

статировал Лука. Он знал этого человека десятилетия, читал малейшие оттенки в его безмолвии.

Николай медленно повернул голову. Свет от проектора выхватывал из полумрака лишь жесткий контур его скулы и холодный блеск глаз.

— Сомнения? Нет, — его голос был тихим и точным, как лезвие. — В талантах политической риторики, софистики и интриг у Владимира нет равных. Он может очаровать Совет, переиграть Орловых в их же игре и заставить Деметру подписать соглашение, которое они сами сочтут своей победой. Он — идеальный дипломат. Идеальный политик. Не пойми меня не правильно, я очень горд им, я люблю его всем своим сердцем. Любой отец может только мечтать о таком сыне — сказал Николай взяв с доски шахматную фигуру коня.

— Мои сомнения не в его таланте, Лука. Они — в его готовности. Готовности сделать то, что не имеет ничего общего с переговорами или компромиссом. — Николай сел, откинулся в кресле, и его взгляд устремился на искусно вырезанную шахматную фигуру. — Скажи мне, старый друг. Вспомни тот день на обледеневших скалах Кроноса. Когда рухнула геотермальная станция, и у нас был час до гибели десяти тысяч человек в основном куполе. Ты стоял рядом, когда я отдавал приказ... перенаправить всю оставшуюся энергию с периферийных секторов. Я обрек почти пятьсот душ на верную смерть, чтобы дать шанс выжить остальным девяти с половиной тысячам.

Воздух в каюте стал ледяным. Лука не дрогнул, но в его глазах мелькнула тень той давней, вечной ночи.

— Я помню, — его голос стал глуше. — Ты не колебался

— Я не колебался, — повторил Николай, и в его словах не было гордости, лишь холодный, неумолимый груз. — Потому что кто-то должен был это сделать. Потому что математика не оставляет места сантиментам. Пятьсот против девяти с половиной тысяч. Цифры были безжалостны, и мой долг был — быть безжалостным вместе с ними.

Николай сжал шахматную фигуру в своей огромной руке, другой рукой он провел по поверхности стола, и голограмма погасла, оставив их в почти полной темноте, нарушаемой лишь мерцанием звезд в иллюминаторе. Через секунду зажглись тусклые светильники оставляя легкое приглушенное освещение.

— Я сомневаюсь, что Владимир сможет отдать такой приказ. Не потому, что он слаб. А потому, что его разум ищет третий путь, лазейку, компромисс до самого конца. Он будет до последней секунды верить, что можно спасти всех, и в этой вере... погубит всех. Вселенная, Лука, иногда ставит перед тобой дилемму, где нет третьего пути. Только «или-или». В этот момент его блестящий ум, его дар убеждения окажутся бесполезны. Потребуется характер и чудовищная сила воли, чтобы принести жертву, которую никто не поймет и за которую будут ненавидеть. Вот в чем мои сомнения. Сможет ли он, когда наступит тот самый час, не дрогнуть и

принять на свою душу необходимую тяжесть. Мы никогда не проверяли его волю, Лука, никогда...

Он медленно прошелся вдоль стола, его взгляд скользнул по мерцающим данным.

— «Монолит» дал три вероятных кандидатуры. Цифры, биометрия, отчёты. Но я не доверяю алгоритмам то, что можно увидеть своими глазами. Сначала — личная оценка. Нужно посмотреть на них в действии.

Николай остановился, его фигура отбрасывала длинную тень на стеллажи с архивами.

— Затем — беседа. Глаза в глаза. Без протоколов и отчётов. И только после этого... только тогда можно будет понять, тот ли он кто мне нужен, подходит ли он мне.

— Тогда в чём смысл? — голос Луки продолжал диалог, который Николай хотел очень тактично увести в другое русло, голос его оставался ровным, но в нём появилась стальная прожилка. — Ты десятилетиями выстраивал систему, где выживает сильнейший. Ломал тех, кто слабее, и поднимал тех, кто выдерживал давление. Ты брал руду с самых вонючих шахт империи и переплавлял её в лезвия. Почему твоя собственная кровь — единственный, кого ты боишься положить под пресс?

Николай обернулся. Не резко. Словно башня линкора, доворачивающая орудийные башни на цель. В его глазах не было ни боли, ни сомнений — только вес.

— Потому что пресс не воспитывает, Лука. Он меняет

геометрию. Всегда. — слова падали, как гильзы на стальной пол. — Я могу взять уличный мусор и выковать клинок, потому что ему нечего терять. У него нет изначальной формы. Его душа — обрезок, и я придаю ей новую.

Он шагнул вперёд, и пространство каюты сжалось.

— Но Владимир... у него уже есть форма. Идеальная, сложная, по своему прекрасная, и главное — работающая. Он — шестерня, отполированная до блеска. Если я попытаюсь перековать её в зубец — она треснет. Не потому, что слабая, а потому тип стали из которой она сделана не подходит для этого.

— Ты не даёшь ему шанса, — отрезал Лука. — Ты решил за него, что он не выдержит.

— Я не даю ему испортить закалку, — сквозь зубы прошипел Николай. Впервые за весь разговор в его голосе прорвалось что-то, похожее на ярость. — Ты хочешь, чтобы я взял его душу и провёл её по конвейеру, на выходе из которого получают такие, как я? Чтобы он научился смотреть в глаза матери, которую отправляешь под нож системы, и не моргать? Чтобы он, как я, по ночам...

Он резко оборвал себя. Грудная клетка вздымалась под мундиром единственным глубоким вдохом. Николай вскочил, будто провалившись в забытие, и на секунду посмотрел куда-то вдаль. Ярость схлынула, оставив после себя лишь выжженную пустошь в голосе.

— ...чтобы он слышал их голоса, Лука. Как я. Ему такое

не выдержать. Потому что в его природе — исправлять, а не ломать. И когда он осознает, что стал тем, кто ломает... это убьёт в нём всё. И дипломата, и человека. Останется только сломанный, выгоревший ментальный инвалид у власти.

Он повернулся к иллюминатору, к мерцающей энергетической сфере, в которой «Инвиктус» двигался в подпространств. — Мы стары Лука, этого невозможно отрицать, то что продлевает нам жизнь и молодость позволяет мне принимать такие тяжелые решения, но так может быть не всегда. То за чем мы летим, должно все изменить.

Тем временем на Инфернус-Прайм...

Адреналин врезался в виски, перебив на секунду свинцовую усталость в мышцах. Только сейчас, когда он уже летел вниз по ржавому сервисному трапу, срываясь со ступенек, тело напомнило о себе. Каждый удар, пропущенный на сегодняшней отработке у Гио, отдавался тупой болью в рёбрах. Каждая мышца ног горела, будто налитая кислотой, протестуя против этой новой, бешеной нагрузки. Дыхание рвалось, горячим и частым, обдирая горло. Но он не сбавлял шаг. Златан. Схрон четыре.

Мысли пульсировали в такт бешеному сердцебиению, обрывочные, как вспышки неоновой рекламы:

«Неужели ему не хватило ума просто уйти и позвать подмогу? Нет, тупой бык, полез в разведку...»

«Все датчики мертвы. Как такое вообще возможно? Ничего не фиксируют... Значит, или глушилка на уровне всего сектора, или... или сенсоры просто не видят того, что там есть.»

Он выскочил из шахты в переулок. Воздух здесь был гуще, пропитанный сладковатой вонью гниющей биомассы из перерабатывающих биологический мусор цистерн и едким запахом озона от дырявой проводки. Под ногами хлюпала липкая жижа из конденсата, машинного масла и невесть чего ещё. Он бежал, перепрыгивая через спящие, закутанные в тряпье фигуры в нишах, не глядя на них.

Люди мелькали краем глаза, как тени в плохом сне, похожие на темное пятно в сознании

Старик, ковыряющий что-то палкой в сточной канаве.

Двое подростков, тупо уставившихся в мерцающий экран взломанного инфокиоска.

Никто не обратил на него внимания. Здесь каждый был островом в своём собственном отчаянии.

«Он сказал — "не ходи в од...". Не ходи в одиночку. Чёрт, чёрт, чёрт. Значит, он уже не один. Или не "он", а "они".»

Матей резко свернул в узкий лаз между двумя громадами корпусов фильтров. Здесь пахло плесенью и ржавчиной. Его плечо с грохотом задело свисающую трубу, и в темноте что-то фыркнуло и шарахнулось прочь — местные тараканы, размером с небольшую собаку или кошку.

Лёгкие горели огнём, каждый вдох казался короче преды-

дущего. Он вспомнил тренировку: «Дыши, Матей. Ровно. На четыре шага вдох, на четыре выдох. Собирай воздух животом». Не получалось. Дыхание сбивалось в истеричный частокол. Он бежал, как загнанный зверь, и страх был кислым комком в горле.

«А если это засада? На него? На меня? Почему именно схрон четыре? Там старые коммутаторы, ведущие к заброшенному сектору очистки. Никому не нужная дыра. Идеальное место, чтобы кого-то... найти. Или чтобы что-то спрятать.»

Он выбежал на "проспект" — широкий, полузатопленный туннель, где тусклые люминесцентные лампы мигали, будто в агонии. По бокам ютились лавчонки, насквозь пропитанные запахом дешёвого синтетического белка и пота. Мелькнули лица: торговец с пустым, усталым взглядом; мать, прижимающая к себе ребёнка с неестественно блестящими глазами; пара охранников в потрёпанной форме какого-то частного клиринга, лениво ковыряющихся в зубах. Мир вокруг плыл, как в лихорадке.

Его ноги стали ватными. Тело кричало, чтобы он остановился. "Я не могу. Я не успею." — пронеслось панической мыслью. И тут же, как хлёсткий удар кнутом, всплыло лицо Златана. Глупая, верная рожа. Силач, который всегда прикрывал ему спину в первых, самых жестоких уличных разборках. Который ни разу не задал вопрос, когда Матей говорил «надо».

Матей стиснул зубы. Боль в боку сменилась резью, но он выровнял дыхание. С силой втянул воздух, заставив диафрагму работать. Не сейчас. Черт! Нельзя останавливаться.

«Что за херня может "не фиксироваться"? Какие-то дроны-сканеры службы арбитров Кратта? Нет, слишком заметно. Чужое, глушащее всё поле? Возможно... Или что-то органическое. Что-то, что не имеет стандартной сигнатуры, тепловой карты...»

Он свернул к служебному люку, ведущему в вентиляционные магистрали старого образца — самый быстрый путь. Остановился на секунду, упершись руками в колени, давась кашлем. Пот солил глаза. Он протёр лицо грязным рукавом, и взгляд упал на его же дрожащие пальцы. От усталости. Или от страха.

«Злат... Держись, увалень. Держись. Я уже бегу.»

Он с силой дёрнул рычаг люка, и тот с пронзительным скрипом поддался. Чёрная пасть магистрали поглотила его, и бег продолжился уже в крошечной, давящей темноте, где ориентиром был только счет шагов, память о карте в голове и холодный, ни на секунду не отпускающий ужас в самом сердце. Он бежал, а в ушах, поверх собственного тяжёлого дыхания и стука сердца, уже отдавался несуществующий пока крик лучшего друга.

Темнота вентиляционной магистрали была похожа на вещество — густой, маслянистой, давящей на барабанные перепонки и наполняющей рот вкусом старой пыли и металла.

Матей бежал на ощупь, левой ладонью скользя по шершавой, холодной стене. Правую он вытянул вперёд, на случай низкого патрубка или внезапного обрыва.

Дыхание эхом отдавалось в металлическом гробу туннеля. Здесь его паника, его усталость усилились. Каждый хриплый вдох, каждый стук сердца о рёбра казался предательским шумом, способным выдать его за километр. Он заставил себя дышать тише, через нос, превращая каждый вдох в долгий, контролируемый процесс. «Четыре шага... вдох... четыре шага... выдох...» Так учил Гио. Сейчас это было спасением от истерики.

«Схрон четыре... Через главный коллектор, ответвление «Дельта-7», потом по старой дренажной шахте... Там должна быть аварийная отсечка, но её клинит уже лет двадцать...» Карта нижних ярусов, выжженная в памяти годами разбойного промысла, всплывала перед внутренним взором ярче, чем любая голограмма. Он прокручивал внутри себя маршрут, сверяя его с счетчиком шагов в голове.

Матей свернул в узкий коллектор. Здесь пришлось пригнуться. Потолок, усыпанный холодными каплями конденсата, цеплялся за волосы. Впереди — развилка. Прямой путь был короче, но вёл мимо действующего узла фильтрации. Там были датчики движения, пусть и примитивные. «Слишком заметно. Нельзя.» Он выбрал левый, более длинный путь — «трубу молчания», как её называли «Призраки». Там было так шумно, что разговаривать не имело никакого смыс-

ла

Туннель сузился так, что приходилось двигаться почти ползком, отталкиваясь локтями и коленями. Старая, прохудившаяся обшивка царапала кожу через куртку. Воздух стал спёртым, с тяжёлым запахом застоявшейся воды и чего-то кислого, гниющего. Матей подавил рвотный позыв.

«Почему глушилка? Кто и зачем? Если бы это были конкуренты или стражи порядка — они бы просто взяли схрон штурмом. Зачем скрываться от датчиков? Чтобы не оставлять следов? Или... чтобы то, что они делают, не увидели даже машины?»

Мысль была ледяной иглой. Он прополз под свисающей гирляндой оборванных кабелей, почувствовав, как один из них, всё ещё под напряжением, искрит и потрескивает в сантиметре от его щеки. Запах озона ворвался в ноздри.

Наконец, впереди забрезжил слабый, грязно-жёлтый свет — аварийный плафон, питающаяся от отдельной, древней электросети. Он выполз в небольшой коллекторный зал. В центре ржавела, покрытая слоями непонятных наслоений, круглая крышка технического люка. «А вот и он — Схрон 4.»

Матей замер, прислонившись к холодной стене, пытаясь отдышаться. Уши гудели. Здесь было тихо. Слишком тихо. Не слышно гудения систем, не слышно привычного скрежета металла. Только тихое шипение аварийного плафона и отдалённый, приглушённый гул улья где-то глубоко внизу. Дат-

чики на стене у входа в схрон — крошечные, самодельные лампочки, которые они с Златаном сами припаяли, — горели ровным зелёным светом. «Работают. Значит, не глушилка снаружи. Их выключили изнутри. Или... они сломаны чем-то, что прошло мимо них.»

Он подошёл к люку. Не было ни звука из-под него. Ни голосов, ни шагов, ни привычного Златанового сопения. Только тишина, плотная и зловещая.

«Слишком просто. Точно ловушка.»

«А если он там, раненый? Каждая секунда...»

Матей прислушался на секунду, затем быстрыми, отработанными движениями откинул три массивных засова (их никогда не запирали на код изнутри, только на засовы — для быстрого выхода). Он не стал распахивать люк. Приподнял его на пару сантиметров. Из щели пахло воздухом схрона — затхлым, пыльным, с едва уловимым новым, странным запахом. Сладковатым. Металлическим. Как мокрый, горячий металл и... переспевшие фрукты.

Сердце ёкнуло. Этого запаха здесь раньше не было.

Затаив дыхание, он заглянул в щель. Внизу — знакомый бетонный пол, ящики со старым барахлом, стол с разобранными приборами. Никого. Ни движений, ни теней. Свет от их лампы горел, но тускло, будто питаясь от умирающего аккумулятора.

«Всё чисто. Слишком чисто.»

Матей медленно, бесшумно приоткрыл люк ещё, давая

глазам привыкнуть. Потом, в последний раз окинув взглядом пустой коллекторный зал за спиной, он беззвучно соскользнул вниз, в глотку схрона, мгновенно прижимаясь спиной к холодной стенке под люком.

Он был внутри. Тишина обрушилась на него всей своей тяжестью. И этот странный, сладковато-металлический запах стал только сильнее.

Матей присел на корточки в тени под люком, давясь хриплым дыханием. Схрон открылся перед ним как обычно, ничего странного, как казалось. Помещение было обширным, как ангар для малых шаттлов, но потолки, опутанные паутиной труб и кабелей, были низкими, создавая гнетущее ощущение ловушки. Воздух, обычно пропахший машинным маслом и пылью, теперь отдавал той же странной сладковатой горечью.

Пространство кишело горами ящиков и контейнеров — скарбом «Призраков». Здесь было всё: от украденных, универсальных блоков питания для аугметических протезов до ящиков с редкоземельными магнитами, выданными из списанных атмосферных фильтров. Каждая деталь была тщательно отсортирована, оценена и ждала своего перекупщика. Это был их банк, их кладовая, их тихий уголок силы в хаосе улья. Сейчас это место силы чувствовалось пустым и осквернённым.

Единственные звуки — назойливое гудение аварийной лампы где-то вдалеке и слабый, прерывистый шелест венти-

ляции, будто система задыхалась. Ни голосов, ни шагов...

«Данные. Надо взять данные. Система всё видела. Она всё знает.»

Преодолевая жгучую боль в ногах, Матей, крадучись, переместился к пульту охраны — самодельному гибриду из краденых серверных плат, спрятанному за фальшивой стенкой из ящиков с болтами. Он припал к нему, как к спасительному алтарю. Дрожащими от напряжения пальцами он подключил свой инфобраслет к порту, ввёл многоразовый, усложнённый пароль, приложил ладонь к сканеру. Система, с ворчанием, признала его. «Админ».

На экране браслета всплыл интерфейс. Матей мысленно молился, запуская глубокую диагностику и запрос логов.

«Вот. Сейчас всё станет ясно. Кто зашёл, когда, какие сигнатуры... Может, перехваченные частоты...»

Матей отключил браслет, но тишина, ворвавшаяся в его уши, была теперь иного качества — густой, тягучей и намеренной. Она давила на барабанные перепонки, как вода на большой глубине. Он сделал глубокий, медленный вдох, пытаясь унять мелкую дрожь в пальцах. Вспомнилось наставление Гио, выжженное в памяти болью и потом: «Когда не понимаешь — смотри под ноги. Все самое незаметное — всегда под носом.»

Данные с пульта охраны лежали в его мозгу мёртвым, ядовитым грузом. Система не просто вышла из строя три часа назад. Диагностика показала кое-что более чудовищное.

Контуры безопасности были тихо и профессионально взломаны и перенастроены почти неделю назад. Последний чистый лог фиксировал визит одного из младших «Призраков», приходившего забрать пару конденсаторов. Через десять часов после его ухода в коде системы произошли микроскопические, изящные изменения. С того момента система исправно работала, передавала статус «всё чисто», но её «глаза» и «уши» — датчики движения, акустические сенсоры, тепловые сканеры — были мягко, без отключения сигнализации, переведены в режим «вечной петли», транслирующей архивные, пустые данные.

Мысли закрутились, лихорадочные и острые:

«Неделю. Целую неделю кто-то мог видеть и слышать всё, что здесь происходит. Знал расписание. Знал пароли. Знал про то, что кто-то точно придет. И ждал. Ждал удобного момента. Чёрт возьми...»

Чувство ловушки сомкнулось вокруг него, холодное и безошибочное. Он вошёл в чужой капкан, расставленный задолго до его прихода.

Сжав челюсти, он переключил запрос на браслете. Ячейки хранения. Логи доступа. Если это грабёж...

Система выдала статус: все ячейки заперты. Ни одной несанкционированной попытки вскрытия за всю историю. Ни до, ни после взлома. Матей почти вздохнул с облегчением, но оно застряло в горле. Что-то было не так. Он запустил углублённую проверку целостности пломб и внутрен-

них сканеров массы.

И тут леденящий ужас, медленный и неотвратимый, начал подниматься по его позвоночнику.

Согласно данным, масса содержимого в каждой ячейке оставалась абсолютно неизменной на протяжении всей последней недели. До миллиграмма. Пломбы не вскрывались, никто, ничего не забирал.

«Так не бывает, — прошипело в сознании. — Пыль оседает. Влажность меняется. Крошечные колебания есть всегда...»

Значит, и эти данные — ложь. Часть петли. Кто-то не просто выключил «глаза» системы безопасности неделю назад. Грабеж был не нужен. Все это было слишком странно.

Ужас охватил Матея. Воздух в лёгких стал ледяным. Казалось, в тишине схрона он слышит не даже собственное сердцебиение.

«Злат, здесь точно был. Точно...»

Данных не было. Была только эта тишина, этот сладковато-металлический запах и абсолютная, бесчеловечная аккуратность происшедшего.

Дрожь в руках прошла, сменившись ледяной, хищной собранностью. Гио говорил смотреть под ноги. Значит, надо оторваться от экрана, который врёт. Матей отключил браслет, погасив голубоватый отсвет, доверившись своим чув-

ствам и опыту, прижавшись спиной к ребрам холодного ящика. Движение в дальнем конце схрона было не похоже на шаг или пробежку, будто силуэты стеллажей и тени на секунду поплыли и перестроились, как картинка на глючном экране. Ни звука. Только тихий, предательский скрип его собственного ботинка на бетоне, когда он инстинктивно отшатнулся.

Адреналин ударил в виски, заставив сердце колотиться чаще. Чувство ловушки, до этого тлевшее на заднем плане, вспыхнуло ярким, холодным пламенем. Здесь кто-то или что-то есть. И оно неестественное.

Он резко сменил направление, уже не стараясь быть бесшумным, а просто быстрым. Цель теперь была одна — запасной выход, скрытый за горой старых демонтированных панелей управления в противоположном углу. Он двигался низко, от стеллажа к стеллажу, используя ящики как укрытие.

Именно тогда, мельком глянув в проход между двумя штабелями контейнеров, он увидел Златана.

Огромное тело лежало на боку между стеллажами, в неестественной, но спокойной позе, как у спящего. Ни крови, ни видимых ран. Одежда не порвана. Его лицо, обычно красное от напряжения, сейчас было странно бледным и расслабленным. Глаза закрыты. Казалось, он просто отключился.

Матей мгновенно рванулся в укрытие за ближайшим угловым ящиком, его разум работал на пределе. Это была ловушка. Слишком очевидно. Приманка. Чувство чужого при-

сутствия висело в воздухе плотнее, чем странный запах. Он чувствовал это кожей — за ним наблюдают. Не обязательно глазами. Возможно, чем-то иным.

Логика, холодная и безжалостная, накладывалась на панику.

«Если Златан мёртв — мой подход сейчас ничего не изменит. Только добавит вторую жертву. Если он без сознания — у меня есть минуты, чтобы найти источник угрозы. Обезвредить его. Или понять, как вытащить Златана, не подставляясь. Бросить его — не вариант. Но бездумно кинуться к нему — самоубийство.»

Матей прислушался. Кроме гудения светильников — тишина. Но та самая, лживая тишина схрона. Он медленно, сантиметр за сантиметром, высунул голову из-за укрытия, сканируя пространство над Златаном, потолок, дальние тени. Искал малейшее движение, вспышку, искажение. Ничего.

План сформировался сам собой, жёсткий и чёткий.

«Так Матей, сначала пойми где угроза, а за тем постарайся вытащить Златана, и не подставиться» — мысли Матея накатывали волнами.

Он заставил себя отвести взгляд от тела друга и начал изучать пространство между собой и приманкой, ища ту невидимую нить, которая наверняка вела к капкану.

Матей прижался лбом к холодному металлу ящика, за-

ставляя мозг работать сквозь панику. Мысли метались, цепляясь за обрывки тактик, но не складываясь в план. «Надо выманить. Или отвлечь. Или...» Он бегло ощупал карманы. Гаек нет — остались в другой куртке. Вокруг — только пыль и безмолвные ящики.

«Вариантов нет. Нет времени. Ни снаряжения, ни данных. Просто он лежит там, а здесь — никого. Или... они ждут, когда я выйду.»

Единственное, что приходило в голову — попытаться незаметно сместиться по другой линии стеллажей, чтобы посмотреть на Златана с другого ракурса и постараться увидеть то, чего не видно отсюда. Проволоку, датчик, что-то, что подтвердит ловушку — это было слабо, почти безнадежно, но это было хоть какое-то действие.

Он уже начал мысленно прокручивать путь — «три шага вправо, за тот массивный контейнер, потом вдоль него» — как вдруг воздух сгустился.

Сладковато-металлический запах, до этого фоновый, ударил в нос резко и остро. У Матея сразу закружилась голова, в висках застучало. Он моргнул, пытаясь прочистить взгляд, и увидел, как в дальнем конце схрона, там, где раньше было пустое пространство, воздух словно «закипел» — невидимой дрожью, искажая свет от ламп. Из этого мерцающего марева медленно, бесшумно выплыла серая, непрозрачная дымка. Она стелилась по полу, поглощая очертания ящиков, приближаясь.

Мысли остановились. Все тактические соображения испарились, остался только животный ужас. Он попытался отползти назад, но тело не слушалось. Мышцы стали тяжёлыми, ватными. Дыхание перехватило.

Из дымки выступили два нечетких силуэта, смутные фигуры, лишь отдалённо напоминающие человеческие силуэты. Они двигались к Златану плавно, без суеты. Одна из них наклонилась над его телом.

Матей хотел крикнуть, броситься вперёд, хоть что-то сделать, но мог только наблюдать, как его сознание медленно тонет в липкой, накатывающей волне беспамятства, он не в состоянии был издать ни звука. Последним, что Матей услышал сквозь нарастающий звон в ушах, был спокойный, без интонации голос, доносящийся из самой гущи дымки:

«Этот готов. Его тоже берём»

И всё поглотила тишина

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.